

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: Философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции,
- О духовных истоках русской классической литературы (Интервью *В. П. Ракова* с *Ю. В. Лебедевым*).....
- Соловьев А. А.* Кафолическое сознание: Русская интеллигенция в поисках идентичности.....

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Аннин А. Г.* Интеллигенция и партия меньшевиков в 1917 году 39
- Раскатана Е. М.* «Жемчужина провинциальной культуры»: Власть и палехский художественный промысел в 1970-е годы.....^{4 6}

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Юркиш О. А.* Формирование мировоззрения британской лейбористской интеллигенции рубежа XIX-XX вв, (На примере Беатрис Вебб).....70

ДЕБЮТ

- Аладышкин И. В.* Мировоззренческий кризис интеллигенции в условиях первой русской революции: «мистический анархизм» и «соборный индивидуализм».....95

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Горожанин Л. С.* Рабочая программа курса «Интеллигенция и интеллигентность».....120

Информация для авторов

126

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Г. С. Смирнов

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Всемирная история XX века открыла новую эпоху в эволюции исторического сознания: оно приобрело не только качество всемирности, но планетарности, глобальности. История обществ и цивилизаций (формы социальной истории) вошла в сопряжение с геологической историей, историей планеты и историей Вселенной. Вся история человеческой цивилизации от поисков края ойкумены А. Македонского, путешествий Колумба и до полетов в Космос - дерзновенные попытки расширить понимание среды обитания человека. В этом смысле исторический процесс расширяется как в пространстве, так и во времени, каквширь, так и вглубь. Всемирная история становится Вселенской историей, ибо смысл истории человечества и заключается в том, что человек постигает расширяющуюся топографию своего существования. Воплощение всеобщего в единичном, вселенского в человеческом, совмещение (тождество) бытия мира и бытия сознания может рассматриваться как развертывающаяся вселенская история - ноосферная история. В ней отражается и мировая история и библейская история, ибо и та и другая могут быть представлены как экспликация «абсолютной идеи» - вселенствование сознания.

«Ноосферная история человечества» - термин, претендующий на то, чтобы задать максимально широкий смысл истории. На первый взгляд, уже существующие материалистические и

➤ Смирнов Г. С., 2006

Смирнов Григорий Станиславович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета.

идеалистические (формационный и цивилизационный) подходы к осмыслению истории в значительной мере выполняли задачу структурирования как феномена истории, так и исторического процесса. Однако в философской литературе последнего десятилетия отмечается, что оба эти подхода должны существовать не сами по себе, а в контексте принципа дополнительности. Цивилизационно-формационный подход может рассматриваться как «двуликий Янус» мировой истории и в том смысле, что, таким образом, фиксируется обращенность к прошлому и взгляд в будущее, и в том, что уравниваются в правах материальные и духовные факторы исторического развития. По этой причине в современной философии истории возникает ноосферная методология исторического универсума. Ноосферная методология вряд ли может быть истолкована как проявление философского дуализма, но и философский плюрализм в данном случае перерастает в другое качество - в качество универсумной методологии истории.

Ноосферная история предполагает не только материально-орудийную и материально-техническую стороны исторического процесса, но и все интеллектуально-духовное и информационно-знаниевое пространство, которое, в конечном счете, и делает мир таким, какой он есть. Но, кроме того, ноосферная история это и история формирования человеческого содержания духовных процессов, которые проявляются, прежде всего, в эволюции интеллигенции. Ноосферная история - это история обустройства мира под формы духа, те конкретно-исторические парадигмы, которые создаются в творческом труде.

*Ноосферная история
как единство человеческой и естественной истории*

Бурное развитие науки как планетного явления привело к беспрецедентному охвату исторического процесса: современный человек мыслит историю Универсума от точки сингулярности (15 млрд лет назад) до точки ближней виртуальности («предсказуемого настоящего-будущего», отстоящего от настоящего приблизительно на 50 лет вперед) и даже самой далекой виртуальности («энергии Солнца хватит еще на 5 млрд лет»). Современный человек, живущий в библейском историческом времени, связанном

с представлениями о Сотворении Мира и Конце Света, начинает воспринимать историю не только в контексте художественного, философского и религиозного дискурсов, но переходит к научным формам вселенского времени. История оказывается наукой о формах человеческого бытия времени, при этом за всемирной (глобальной) историей открывается история вселенская. Феномен пересечения человеческой истории с историей естественной и может быть обозначен как ноосферная история - история становления человеческого Духа Вселенной.

Ноосферная история человечества - явление чрезвычайно многообразное и широкое, но в узком смысле слова ноосферная ЮТОрия может быть рассмотрена, прежде всего, как «культурная история» человечества, его духовная (интеллектуальная) история, спойми корнями уходящая в формы развития живого вещества, процессы цефализации и сапиентации. Биологическая и культурная генетика предстают двумя сопряженными формами развертывания вселенской истории человечества.

Одна из первых моделей «истории, оживленной духом», (взяна с «принципом ментализма» Гермеса Трисмегиста. «Все 01 it. Ум» - так выглядит посеянное зерно ноосферной истории, различные аспекты которой раскрыты в философии Платона, Августина Блаженного, Т. Кампанеллы, Г. Гегеля, Вл. Соловьева, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского и других мыслителей.

Ярчайшим образцом представления ноосферной истории может считаться «Слово о полку Игореве», ибо в этом памятнике русской культуры совмещены в едино-целостности все аспекты бытия человека и социума в социо-природной и вселенской размерности Универсума. История повседневного бытия человека сопровождается соприкосновением с другими личностными и социальными хронотопами, отражается в природных явлениях и живом веществе природы; оказывается, что история всегда единотсущна, хотя на первый взгляд она мозаична и расколота. Человек в универсуме - вот смысл ноосферной истории.

Одним из первых, кто создал эскиз ноосферной истории в XX веке, был П. Тейяр де Шарден. Он не только показал, что I грела вселенской эволюции представлена цепочкой «преджизнь >ми .ни, мысль сверхжизнь», но и связал развитие универсума со становлением ноосферы. Изучение первобытного человека -

синантропа - позволило найти аналогию между картиной звездного неба и картиной бесконечных огоньков зажигающегося разума.

В работах В. И. Вернадского произошло удивительно органичное и естественное по своей природе слияние геологического и исторического времени применительно к развитию сознания и научной мысли цивилизованного человечества. В его трудах, может быть впервые, ноосферная история предстала в качестве все-ленской онтологии, т. е. ноосферная история вплелась в ноосферную картину мира. Значительный шаг вперед в понимании целостного исторического процесса осуществили евразийцы. В частности, труды Г. В. Вернадского по русской истории В. И. Вернадский оценил как перенесение ноосферного подхода на пространство исторической мысли.

Значительный шаг в понимании целостности истории был сделан А. П. Назаретяном, который ввел в научный оборот и раскрыл содержание понятия «универсальная история».

Духовная эволюция человечества

Родовым признаком всемирного процесса развития является самоосуществление разума, сознания, интеллигенции. Сначала, на самых первых этапах, возникали спорадические «единицы интеллигенции», затем процесс шел очень неравномерно, то за-тухая, то вновь интенсивно двигаясь вперед. В. И. Вернадский прекрасно показал это движение, носящее планетный характер, на примере развития научной мысли и феномена науки. Но такого рода движение характерно не только для науки, но и для всех форм культурного подвижничества. Процессы интеллектуальной (образовательной) и интеллигентской эволюции происходили параллельно, один из них лидировал, но, сыграв свою роль, уходил в тень и вновь набирал силы для нового рывка вперед.

Главная роль интеллигенции в историческом развитии человечества - в сохранении культурного генофонда и передаче его другим поколениям. Специфика этой метафоры станет лучше понятна при обращении к современным моделям генетики, в частности к «расшифровке генома человека». Культурология и интеллигентоведение в известном смысле слова решают одну и ту

ю очень важную задачу - расшифровывают «геном культуры •II юнечества». Человечество как единый организм, как всеедин- I По организуется не столько в формах биоразнообразия, сколько и исторически и культурно апробированных формах человеческо- ю поведения, интеллектуальной целеполагающей деятельности, которая сопровождает (и в то же время сопровождается) формами внешнего и внутреннего миропостроения. Задача современного культурного человечества - эксплицировать все имевшие место и время актуальные и потенциальные формы человеко-бытия. Без мой огромной работы человеческая цивилизация так и не сможет понять «для чего» она, не может обнаружить вселенский вектор своего развития.

Обратим внимание на то, что интеллигенция сохраняет «Информацию человеческого бытия» не только в информацион- ной, но и телесно-бытийной форме. Не случайно говорят, что максимум пассионарности род достигает в третьем поколении своего развития, а затем (как показывает история) чаще всего прерывается, ибо, скорее всего, энергия растрчивается как «I рыв сверхновой звезды». От отца к сыну передается не только Генетическая и культурная (образование) составляющие, но и форма «вселенского поведения», постепенный охват все более широкой среды обитания. При этом следует иметь в виду, что феномен интеллигентности несмотря на свое родовое (мировое) качество всегда имеет не только свое этнонациональное, но и лично-но конкретное историческое лицо. Такого рода многоли- 1 к п, интеллигенции - это не ошибка философского дискурса, а в м мный факт многозначности реального исторического процес- са.

В трудах К. Маркса тщательному анализу были подвергну- ты, прежде всего, моменты материально-экономического измерения общественного развития, в трудах В. И. Вернадского проис- ходит осмысление процессов духовно-интеллектуального изме- рения человеческой истории. В силу этого и возникает проблема сближения ноосферного и интеллектуального, культурного раз- вития

Анализ процесса формирования интеллигенции в контексте деятельности подхода представляет собой известную слож- ней и, в силу того, что в отечественной историографии последних

десятилетий интеллигенция не рассматривалась как субъект материально-экономической деятельности, статус прослойки выводил ее за рамки фактора исторического процесса. Лишь в последние годы субъект *духовного производства* - техническая, научная, образовательная интеллигенция оказалась в центре внимания. В условиях технотронного (информационного) общества логика и философия духовного производства оказываются той сферой интеллектуальной работы, без которой невозможно осмыслить синергетику духа, самоорганизацию человеческого сознания.

Для понимания роли интеллигенции в общественном развитии целесообразно обращение к синергетическому подходу, ибо он помогает рассмотреть интеллигенцию как ту человеческую субстанцию, которая живет в другом времени, нежели современное ей общество. Вся проблема в том, насколько данная интеллигенция «отрывается» от своего времени, *становится аттрактором ноосферного развития*. Думается, что российская интеллигенция начала XX века опередила время не меньше, чем на полстолетия, если учитывать возможность сослагательного измерения истории, и, может быть, столетия, если учитывать наши реалии. Интеллигенция в историческом процессе всегда выступает как *катализатор развития* в направлении становления общечеловеческого состояния и общечеловеческих ценностей.

Геологически процесс становления интеллигенции может быть представлен как движение к точке Омега. Интенция стремления к постижению божественных возможностей человека и человечества - главное в интеллигенции как субстанции. Иными словами, рассмотрение интеллигенции оказывается возможным на уровне единичного, особенного и всеобщего. Форма всеобщего - это субстанциальное измерение, на уровне особенного порождается этнонациональная специфика интеллигенции, но самый важный уровень рассмотрения данной проблемы связан с проявлением единичного, т. е. конкретного (ноосферного) человека, в котором посредством образования и самообразования развиваются качества интеллигентности.

Универсумное понимание исторического процесса создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции, ибо становится возможным не акцентировать внимание

только на материальных или только духовных аспектах, а искать формы взаимообусловленности материального и идеального, телесного и духовного субъективного и объективного, социального и природного в развертывании исторического процесса.

Осевое время в этом смысле - это время интенсивного становления качества интеллигенции, именно тогда совпадают разнородные условия, способствующие образованию уникальной самоподдерживающей структуры, позволяющей обществу взглянуть на мир в целом, на мир как единое целое, слиться с миром. Интеллигенция как духовное состояние - это конкретно-историческое ощущение и понимание своего единства с миром, который постоянно расширяется, заставляя тем самым расширяться и человеческую субъективность; это духовная возможность совпадения масштабов субъекта и объекта. Чаще всего общество живет в состоянии, когда этого совпадения в принципе не может существовать; в ощущении подобного стояния, включенности в универсум, находятся лишь единицы; в некоторых случаях общество, лишенное попечительства интеллигенции как способности стремления к соединению, раскалывается и тем самым уничтожает ту реальную группу - интеллигенцию, которая не смогла обеспечить единение. В этом смысле интеллигенция - это формула единения человеческих общностей, субъективный фактор, обеспечивающий центростремительное движение исторического процесса. С точки зрения физики можно было бы сказать, что в истории также действует «принцип тяготения» и интеллигенция - форма «духовного тяготения».

Социальная философия интеллигенции - это область размышления о предельных основаниях человеческой духовности в конкретных условиях социально-экономического развития, в сиюминутных формах исторического. В этом смысле ноосферная история - это история интеллигенции, *а история человечества - это (в предельном своем выражении) история развития интеллигенции на субстрате человеческого*.

Ноосферная эволюция и типология интеллигенции

Тезис о том, что типологизация интеллигенции возможна на базе духовного развития цивилизации, предполагает возмож-

ность своего осуществления на основе 1) религиозно-конфессионального критерия, 2) философского критерия (т. е. выявления философской парадигмы, на базе которой строится мировоззрение данной социальной группы), 3) научной парадигмальности. В конечном итоге такая многосторонняя аналитика позволяет говорить о трехипостасности интеллигенции (т. е. трех измерениях интеллигенции, которая рассматривается как духовная субстанция). Такое абстрагирование представляет собой сильную редукцию, но ничто не мешает на выделенные идеальные типы интеллигенции спроецировать формы материального бытия, учитывая при этом, что если в определенный момент материальное в интеллигенции побеждает идеально-духовное, то рассыпается и сам феномен интеллигенции. Подобная аргументация ориентирует на использование универсальных и ноосферных подходов в исследовании интеллигенции.

С точки зрения методологии, разработанной в философии науки, типы интеллигенции можно было бы представить в следующих категориях: 1) «классическая интеллигенция», 2) «неклассическая интеллигенция», 3) «постнеклассическая интеллигенция».

Смысл классической интеллигенции состоит в синкретическом характере ее духовных потенций. Для ее представителей целостность мировой культуры - важнейший признак духовности, отсюда стремление к изучению большого количества языков, дающих возможность строить мировые синтезы на основе принципа дополнительности. Обращенность к мировой философии, мировому искусству, мировой науке (для XIX века речь идет, прежде всего, о европейской культуре) в рамках классической интеллигенции всегда дополняется соотносительностью с какой-либо мировой религией, которая всегда является «самым дальним аттрактором» духовной диалектики личности. Даже в тех случаях, когда невозможно установить характер конфессиональное™, надо иметь в виду, что тот или иной мыслитель всегда вырастает в определенной культурно-религиозной среде. Для классической интеллигенции характерен рационалистический менталитет, точнее, рационалистическая доминанта восприятия мира. Реализм классической интеллигенции есть результат тонкой духовной подгонки под формы социального бытия в рамках своего весьма

избранного сословия (например, для дворянского или буржуазного сословия). Итак, классическая интеллигенция - это элитная группа людей, для которых характерна ориентация на общекультурный гармоничный синтез. Классическая интеллигенция, как правило, результат духовной работы нескольких поколений рода.

Неклассическая интеллигенция - это упрощенная, «редуцированная интеллигенция»: она стремится подражать модели личности классического интеллигента и тем самым обрести особое качество «веро-знания», стремится подражать естественному вхождению в духовный синтез. Если для классической интеллигенции характерна рядоположенность (равнозначность) таких важных частей культуры, как религия, философия, искусство, наука, то для неклассической интеллигенции доминантной оказывается только одна какая-то часть. В силу этого и возникают «научная интеллигенция», «художественная интеллигенция» как две «основные культуры интеллигенции». В этом смысле интеллигентность классическая сродни гениальности, а неклассическая - таланту.

Неклассическая интеллигенция - это «как бы интеллигенция», «как если бы интеллигенция». Для уровня классической интеллигенции ей не хватает родовитости, богатства, образованности, вышколенности манерами социальных и культурных условий. Но, тем не менее, сила духовной пассионарности берет свое, и восходящая интеллигентность обретает себе место под солнцем культуры. Эту особенность неклассической интеллигенции можно было бы выразить с помощью эстетико-методологического приема, характерного для Ф. Ницше, т. е. сказать, что для классической интеллигенции характерна «аполлоническая» направленность, для постнеклассической - «дионисийская». Неклассическая интеллигенция - это опьяненная свободой духовность; хаотизация и диссипация старой классической культуры порождает субъективное ощущение творческой эйфории, за которой может скрываться как великий взлет, так распад и гибель.

В самом субстрате неклассической интеллигенции есть как верхние, так и нижние этажи: разночинская и советская интеллигенция. История советского общества в сильной степени свидетельствует о том, что, прежде всего, уничтожали именно «твор-

ческую интеллигенцию». Та интеллигенция, которая не хотела вписываться в жестко-тоталитарную модель общественного развития, действительно являлась угрозой общественной безопасности и стабильности. «Интеллигенция оттепели» - это самый яркий пример неклассической интеллигенции верхнего этажа, это элитная советская интеллигенция, которая проделала гигантскую работу по преодолению «нигилистического» (большевистского) прошлого и сделала шаг вперед к постнеклассическим моделям российской интеллигенции начала XXI века.

Она пассионарна народной жизненной (ломоносовской) силой, она способна на пересмотр устоявшихся точек зрения, она готова освоить мировую культуру, чтобы создать свой собственный «посюсторонний синтез». И все-таки разница между этими формами интеллигенции будет такая же, как между Уральскими горами и Гималаями. Кстати, образ гор, как проявления высоты духовности в русской культуре, идущий от иконописной традиции, утвердился в XIX веке (достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, картину А. Куинджи «Эльбрус»), но в мощи неклассического видения мира эта метафора расцвела под кистью Н. К. Рериха (в его знаменитом цикле «Гималаи»).

Неклассическая интеллигенция - это национальная интеллигенция, интенсивнодвигающаяся в сторону общечеловеческих глобальных ценностей. От классической она отличается тем, что уровень ее образования и степень элитарной воспитанности значительно понижаются. Количественный рост интеллигенции приводит к тому, что материально-финансовые ресурсы, затрачиваемые на формирование представителя неклассической интеллигенции, на порядок или даже два ниже, чем представителя классической интеллигенции - прежде всего дворянской интеллигенции. Она не обладает важными материально-экономическими признаками классической интеллигенции (которая в полной мере являлась хозяйкой своего свободного времени, проводимого в универсуме дворянско-усадебного хронотопа), но для нее характерна возможность приобщения ко всему объему мировой культуры и способность овладения богатствами культуры (хотя она знает уже не 10-15, а только один или два иностранных языка) благодаря возможностям развития коммуникации в

XX веке. Творческая (абсолютно творческая) работа в формах деятельности неклассической интеллигенции начинает интенсивно уменьшаться, и соответственно возрастает доля времени для репродукции знания, а не для его творческого производства (в силу того, что она тратит не 5% времени на решение материальных проблем существования, а уже 50-70% времени).

Особое внимание современные исследователи уделяют феномену постнеклассической интеллигенции, которая чаще всего воспринимается современными исследователями (социологами, историками, политологами) как «Помпеи Духа», как «неинтеллигенция». В известном смысле они правы, ибо классическая интеллигенция практически больше не существует («Бог умер»), это реликтовая форма ноосферной истории человечества. Более того, в известной мере и неклассическая интеллигенция в условиях глобализации и информатизации сокращается как шагреновая кожа.

Постнеклассическая интеллигенция оказывается в тисках рыночно-грантового давления и начинает производить продукцию механически, до известной степени без возникновения нового качества. В обществе складывается ситуация, когда знания нового качества государством не оплачиваются. Тем самым тормозится очень важный момент формирования аттракторов будущего, т. е. той родовой деятельности, ради которой и существует сама интеллигенция. Как только это качество перестает быть заметным, так в общественном зеркале перестает отражаться и тот социальный субстрат, который называется «интеллигенция» - интеллигенция умирает как «вещь для нас».

Постнеклассическая интеллигенция - это результат свободной духовной жизни для каждого. Естественно, именно поэтому она столь бесконечно многолика и разнообразна и столь не похожа на все то, что считалось интеллигенцией до этого времени. Как оказывается, постнеклассическая интеллигенция - это одновременно и отрицание интеллигенции и полное утверждение интеллигенции как феномена в мировом историческом процессе. Крут замкнулся: из прекрасного цветка классической интеллигенции выросло гигантское дерево духовного бытия человечества, которое цветет уже не одним цветком, хотя, как известно, многие из этих цветков окажутся культурным пустоцветом. Но

такова логика и природа «цветущей сложности», о которой писал К. Н. Леонтьев.

*«Языческий» и «православный» модусы
ноосферной истории в России*

С точки зрения религиозно-конфессионального критерия вся интеллигенция могла бы быть разделена, во-первых, на группы по ориентации на тот или иной тип мировой религии, а во-вторых, более локально - на аскетическую (альтруистическую) и гедонистическую (эвдемонистическую) интеллигенцию. Как показывает опыт исторического развития, в любой религиозной конфессии имеют место две противоположные проявленности смысла жизнебытия, в одном случае доминанта связана с преимущественно материальными (земными), эстетико-гедонистическими ценностями, в другом - с аскетическо-духовными императивами. Например, в православии первая акцентуализация характерна для «иосифлян», вторая - для «нестяжателей».

Универсум российской веры столь же многообразен, как и западный универсум знания, в нем обнаруживают себя не только дуальности «художественного» и «научного», «духовного» и «телесного», «идеального» и «материального», «верхнего» и «нижнего», «человеческого» и «божественного», «земного» и «космического», но в нем обретают себя и триадические сущности - «истина - добро - красота», «человеческое - общественное - божественное», «человек-природа - общество», «Бог - Человек - Вселенная». Все эти измерения в явленной истории «русской веры» оказываются «собранными» в форму противостояния «православное» («трехперстное») и «древлеправославное» («двуперстное»).

Русская научная, университетская и академическая интеллигенция всегда позволяла себе быть свободной от шор конфессиональное™, обосновывая это необходимостью свободного научного творчества. В 1917 году по льдине русского общества прошла гигантская трещина: фактически общество поменяло приоритеты вероисповедания. Православие потеряло в начале XX века свою пассионарность, что позволило проявиться мощи язычества и старообрядчества. В сложном переплетении и пересече-

нии с антропофеноменами неоязычества («модернизма») и «обновленчества» находился и социальный феномен атеизма.

Православная вера была потеснена со своих государственных позиций тремя очень сильными (копившими силы в течение столетий) религиозными конкурентами. Очевидно, такая полифуркация была бы невозможна без назревания революционного кризиса в обществе и постепенной оостенелости самой православной церковности (проявившейся, в том числе, и в «пирровой победе» над писателем и религиозным мыслителем Л. Н. Толстым). Потеряв свое антропологическое (экзистенциальное) измерение под давлением государственно-монархической доминанты, православная церковь предреволюционной эпохи оказалась в духовном кризисе и лишилась народной и общественной поддержки.

В начале XX века совершилась духовно-церковная трансформация, которая, очевидно, в российской метаистории случается один раз в полтысячелетия. Языческо-атеистический посыл (как своеобразная вера в «труд для» - «все во имя человека, все для блага человека») победил православный пафос («во имя Божие»). Великая религиозная революция в России свершилась, став «отдачей», возникшей при выстреле государства в сторону старообрядчества (как древлеправославной стихии-веры) в эпоху раскола.

«Православная» (псевдо-православная) интеллигенция в современном русском обществе ориентирована на «чистые формы духовности», «старообрядческая» - высшей ценностью рассматривает земной, подвижнический, «социальный» труд. Обе эти ипостаси современной интеллигенции столь же необходимы и дополнительны, как неразрывны в человеке душа и тело. Может быть, именно в этом и состояла логика метаистории России.

Эти рассуждения позволяют говорить о том, что «советская религия» («вера в светлое будущее», «вера в коммунизм», «вера в Сталина-вождя») может рассматриваться как своеобразная реализация проектов «богоискательства» и «богостроительства», «религиозных симулякров», возникших в том числе и в социал-демократической среде во время широких интеллигентских дискуссий по поводу программ переустройства России, имевших место в начале XX века.

Создание «религии под революцию» - «рабоче-крестьянской веры» - оказалось действенным фактором построения новой - электрической, атомной и космической - России. Эта «земная вера» народных масс способствовала победе «веры в науку» - формы атеистической веры, безбожественной (безбожной) религиозности. Эта трансформация стала предпосылкой формирования советской атеистической (псевдоправославно-старообрядческой) интеллигенции в Советской России. В «подсознании» советской интеллигенции социокультурно (а не идеологически) оказались соединены самые сильные интенции «верхового» православия (религиозного государственничества) и «низового» православия (старообрядчества - трудового кооперативизма). Таким образом, советская интеллигенция обрела и до сих пор сохраняет качество «бурлацкого класса» «всенародного общества».

История, в том числе и духовная история, распоряжается очень часто так же, как природа: то, что родилось, должно достигнуть своего расцвета, затем постепенно сойти на нет, «засохнуть». «Советская партийная инквизиция», достигнув расцвета в 30-50-е годы и истребив огромное количество «политических еретиков», оказалась морально разложившейся структурой, и ее деградация в конечном итоге привела к обрушению всего организационно-геополитического здания союзно-советско-партийной империи.

«Материалистическая религия», как показал советский опыт, в известной мере проходит те самые формы, которые более медленно проходит «обычная» «идеалистическая религия». Как оказалось, онтогенез «материалистической» (материалистическо-атеистической) религии повторяет филогенез общерелигиозного развития, но в силу своей простоты развертывание и свертывание этого социального организма осуществляется достаточно быстро. Этот исторический опыт очень важен для понимания судеб тех религиозных построений, которыми так наполнена современная жизнь человечества.

Интеллигенция в России потому и остается интеллигенцией (а не превращается в интеллектуалов), что в ее сознании сохраняется в качестве системообразующего свойства религиозная вера, палитра которой бесконечно более многообразна, чем это имеет

место в Европе или Америке. Современный феномен религиозно-интеллигентского поиска напрямую связан с модернистскими и постмодернистскими подвижниками веры. К первым в полной мере можно было бы отнести многих религиозных мыслителей Серебряного века, а позднее, отца А. Меня, ко вторым - линию философов, которая берет начало в творчестве Е. П. Блаватской и в специфических формах проявляется в работах Н. К. и Е. И. Рерих, Д. Л. Андреева и современных религиозных мыслителей-космистов. Особенностью современной религиозно-интеллигентской динамики является интенсивный и напряженный поиск «религиозной истины» в форме синкретизма мировых религий и (или) тотального религиозного новативизма. В тех случаях, когда религиозный поиск оказывается по своей напряженности связанным с разрушением архетипических несущих конструкций сознания, даже представители науки вынуждены признать, что религиозный новационный протуберанец оказался «неэффективным», и возвращаются в лоно традиционных верований.

Изучение современного духовного постсоветского пространства показывает, что к началу третьего тысячелетия значительно активизировались религиозные поиски видения Универсума, при этом данный факт «микшируется» еще более масштабными процессами беспрецедентного синтеза знаний о биосферно-ноосферной реальности. На повестку дня становится вопрос общечеловеческой религиозной революции, которая вберет в себя культурные достижения всего цивилизованного человечества.

Духовные формации

В отличие от цивилизационного традиционный формационный подход не оставляет фактически места для доминантности Духа - Разума в историческом процессе (соотношение базис - надстройка предполагает обратное воздействие надстройки на базис, но это все-таки форма «вторичной детерминации», которая связана с некоторыми моментами индивидуального и общественного сознания). В цивилизационном подходе значительное место отводится роли духовных факторов и их носителям - элите, интеллигенции, культурной формации (субстанции), т. е. челове-

скому (антропогуманистическому) измерению - своеобразной нусо-рациональности исторического процесса.

Методология элиты А. Тойнби - один из весьма важных вариантов обоснования роли интеллигенции в историческом процессе. Ответ на вызов истории дает не просто правящая верхушка (она лишь переводит сформированный интеллектуалами образ будущего в формы организационного исполнения), а та интеллигентная и интеллектуальная элита, которая была выпестована соответствующей образовательной и воспитательной системой общества.

В последнее время наблюдаются существенные модернизации формационного подхода, которые связаны с попытками объединить достоинства как формационного, так и цивилизационного подходов. В частности, при анализе структуры производства выделяют не только экономический, но и технологический способы производства. Этот шаг позволяет значительно расширить варианты модернизации формационного подхода к анализу прогрессивной динамики социума. Учитывая, что в производительные силы включается человек (главная производительная сила), а также наука (как непосредственная производительная сила), очевидно, есть возможность поставить вопрос о выделении духовного способа производства. Этот шаг позволит внести в формационный подход не только дуалистические, но и плюралистические моменты.

При определенных условиях (в информационном, постиндустриальном, ноосферном обществе) стандартный (не столько Марксов, сколько советский) формационный подход неизбежно должен превратиться в свою противоположность: формы детерминации элементов в нем могут существенно измениться. На первый взгляд, может показаться, что речь идет о гегельянской реформации формационного подхода Маркса, но думается, что это не совсем так: в такого рода интерпретации реализуется не столько идеалистическая, сколько универсумная парадигма социально-экономического философствования.

Переосмысление формационного подхода приводит к введению понятия «духовные формации». Что же обозначает этот термин? Во-первых, он напрямую связан с представлениями о духовном производстве (и, думается, с понятием «духовный спо-

соб производства»). Во-вторых, в нем концентрируется цивилизационная (культурная) динамика, которая в значительной степени была характерна для российской духовной традиции. В-третьих, появляется возможность разработать варианты комплементарности формационного и ноосферного подходов, о чем думала еще в начале 80-х годов XX века отечественная гуманитарная элита, разрабатывая представления о единстве процессов становления «коммунизма» и «ноосферы». В-четвертых, подобные поправки весьма близки к современным универсумным подходам в социологии и философии. В-пятых, такого рода развитие формационного подхода позволяет включить в него возможности информационного и синергетического подходов. Конвергенция формационного и цивилизационного подходов, на наш взгляд, в полной мере соответствует методологии универсального эволюционизма, без которого невозможно понять особенности ноосферной истории человечества.

Отечественная философская традиция при анализе социальных процессов в своих развитых формах ориентировалась на приоритетные моменты духовного становления. Дело в том, что архетипом понимания социального развития традиционно являлась христианская (православная) традиция. Русская философия всегда обращала внимание на особенности духовного развития. Ярким примером такого рода является архетип лестницы Иоанна Лествичника. Восхождение по ступеням духовного совершенствования - это и есть своего рода духовные формации человеческого развития. В основу такого движения естественно кладется аксиологическая составляющая исторического процесса, прежде всего нравственное ее измерение. Но не будет большой ошибкой, если при анализе социальных форм восхождения по этой лестнице общественного развития будут рассмотрены критерии и эстетического, и экологического, и ментально-информационного характера. Таким образом, задаваемая модель может служить прообразом представлений о духовных формациях в индивидуально-персоналистическом и социальном измерениях.

Значительный шаг в развитии представлений об общественно-духовных формациях в русской философской традиции сделан в связи с развитием социологии. В этом случае мы имеем пример того, как с помощью социальной философии выстраива-

ется онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое измерения интеллектуально-духовного развития как отдельного общества (локальной цивилизации), так и человеческого общества в целом (человеческой цивилизации). Как видим, посыл от цивилизационного подхода к формационному обращается развитием самого цивилизационного подхода.

В творчестве В. С. Соловьева «софийные формации» имеют ярко выраженный онтологический смысл, когда речь идет о формах растительной, животной и человеческой Софии. Процессы оразумления биосферы, выражаясь современным языком цефализации и сапиентации, представлены Соловьевым в рамках использования софиологической парадигмы общественного (универсумного) развития.

Значительный шаг в понимании логики духовных формаций был сделан В. И. Вернадским в контексте разработки феномена научной мысли. Научная мысль рассматривается российским мыслителем как одна из ипостасей духовной культуры наряду с религией, философией и искусством. Выявление особенностей этих форм духовности в контексте общекультурного процесса позволяет говорить о новой критериальности, предложенной В. И. Вернадским к анализу развития человеческой цивилизации.

В этом смысле можно говорить о художественной, религиозной, философской и научной духовных формациях, которые не просто отрицают друг друга, но каждая новая духовная формация снимает, вбирает в себя последующие, становясь на определенное время доминирующей формацией. Для аналогичности формационной теории К. Маркса важно указать и на возможность так называемого отрицания отрицания, т. е. на особый синтез всех этих ипостасей в условиях развитого информационного общества.

Эвристичность такого подхода особенно видна в связи с представлениями о ноосферном развитии и формировании ноосферного сознания. Современная духовная формация - это ноосферная формация, о которой уже говорится в философской литературе, в частности в работах А. К. Адамова. Предлагаемый в данном случае подход предусматривает другое - непрямолинейное - решение, ибо ноосферная формация принципиально иное

явление: если открытые К. Марксом формации - это общественно-экономические (материальные) формации, то ноосферная формация открывает ряд духовных формаций в истории человечества.

Отметим, что в отечественной традиции имеют место и более сложные онтологические решения проблемы духовных формаций. Так, Д. Л. Андреев в «Розе Мира» рисует достаточно сложную картину духовного мироустройства, которая включает многочисленные сферы духовно-вселенского восхождения.

Интересный подход характерен для Н. К. Рериха; он считает, что логика развития духовной жизни человечества представлена движением от дикости к цивилизованности, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности, от интеллигентности к культурности. Эта цепочка интересна тем, что, во-первых, отмечена общая стрела эволюции - от дикости, т. е. «звериности», «животности», к культурности, во-вторых, намечается формация цивилизованности как форма достаточно низкого развития (связанного с овладением некоторыми способами социального бытия, посредством развития технической среды обитания, искусственного мира), в-третьих, важно подчеркнуть, что разведены ступени образованности и интеллигентности (ибо образованность предполагает некую фрагментарность инструменталистского порядка, образованность обслуживает цивилизацию), в-четвертых, отметим, что высшей духовной формацией Рерих называет «культурность», что означает не только самое полное выражение субстанциальности духовности искусственного-естественного, но и наибольшее приближение к формам духовности. Это понимание позволяет говорить о возможности достраивания рериховской лестницы духовных формаций собственно формой духовности, которая может рассматриваться как непосредственное и естественное продолжение культуры человеческого бытия.

(Окончание следует)